

История султана Санджара

Рассказывают, будто правил в одной стране некий благочестивый и мудрый султан по имени Санджар, с необыкновенным тщанием вникавший в дела государства и подданных, не полагаясь в сем на своих приближенных. Сменив богатое облачение на простые одежды бродяги, ходил он ночью по улицам города, днем же в платье калан-дара отправлялся на базар, где собиралось множество народа, и там, неузнанный, вникал во всякие распри, дабы суд его был правым, а величье прославленным. Сидя однажды на суфе возле продавца жареных фисташек, он увидел прекрасного юношу в одежде каландара. Это был луноликий красавец, в облике которого без труда угадывалось благородство. И каждый, кто смотрел на него, не мог сокрыть своего восхищения. Однако чело юноши было отмечено глубокой печалью, и понял султан смятение его души и мужество, с коим он преодолевал страдания. Султан подозвал к себе юношу и сказал:

— О странник, ты столь молод и красив! Что побудило тебя облачиться в одежды каландара и отречься от всего мирского?

И султан прочитал стих:

Может друг понять, что таится в душе у друга-страдальца, Если связан с ним неразрывно, Будто ноготь с мякотью

пальца. Чтоб отвергнуть мирские богатства, очень трудно силы найти, Как избравшему цель скитальцу очень трудно свернуть с пути.

— О таящийся под обличьем каландара, — молвил юноша, — зачем ты бередишь мои раны? Какой прок тебе во мне, бедном страннике, кой никак не может унять свою боль?! Уже прошло много времени с тех пор, как злой рок лишил меня милосердия Аллаха, однако до сей поры объят я печалью и снедаем душевной горечью. Пришел я в этот город, никому не ведомый, надеясь сокрыть свое горе от других, а ты вынуждаешь меня снова вспоминать о моих страданиях.

Султан изъявил к нему свою благосклонность и ласково молвил:

— Успокойся, о юноша, и поведай мне свою историю. Если к тому же ты расскажешь о том, что видел в жизни и в чем ты усматриваешь ее смысл, я буду тебе премного благодарен.

И юноша начал свой рассказ.

— История моей жизни грустная и тягостная, а рассказ о ней длинен и утомителен.

И он прочитал стих:

Очень долгая, тихая лунная ночь мне нужна, Чтоб историю жизни моей я поведал сполна.

— В таком случае, — молвил султан, — соблаговоли сказать, где твое пристанище, и вечером я за тобой пришлю.

Юноша назвал обитель каландаров, и тогда султан сказал продавцу фисташек:

— Нынешней ночью я буду твоим гостем. Продавец фисташек приготовил всевозможные яства и прекрасно убранное сиденье для почетного гостя. Султан Санджар пришел к нему, и сел на почетное место, и повелел привести юного каландара. Едва юноша переступил порог дома продавца фисташек, он сразу же понял, что перед ним не кто иной, как султан. Он приветствовал султана с должным почтением и уселся на отведенном для него месте. По завершении трапезы султан, обратясь к юноше, молвил:

— Умерь, о юноша, печаль и смятение души и поведай мне всю свою историю.

— Охотно, — отвечал юноша. — Но для этого ты должен либо покинуть свое почетное место и сесть рядом со мной, либо позволить мне приблизиться к тебе.

Султан сел рядом с юношей, и тот повел свой рассказ.

— О султан, владыка вселенной! Да будет тебе известно, что отец мой был удачливым купцом. Богатства его были несметны. Однажды он позвал меня к себе и сказал: «О дитя мое, ты уже достиг дозволенного возраста, и я решил взять тебя с собой в далекое путешествие. Я хочу,

чтобы ты постиг добро и зло, изведал все жизненные тяготы, ибо после моей смерти ты останешься в одиночестве и бремя забот может оказаться для тебя непосильным». Мы покинули пределы города и отправились в далекий путь, и одолели много дорог, и миновали множество городов и селений. Но однажды наш караван сбился с пути. В ожидании утра мы вынуждены были устроить привал. Ночью на нас напали разбойники. Я проснулся от громких криков и к своему ужасу увидел, что отец мой убит. Опасаясь, что меня постигнет участь отца, я вскочил на коня и умчался в пустыню. В конце долгого дня я достиг ворот некоего города, но было уже темно, ворота города оказались запертыми. Я умолял сторожей впустить меня в город, но они оставались глухими к моим мольбам. А неподалеку от городских ворот был невысокий холм, и у его подножья лежал огромный камень. Вот за этим-то камнем я и устроился на ночлег. Ночь, однако, была безлунная, и от пережитого страха я никак не мог уснуть. Вдруг я увидел, как через городскую стену перелез человек с зажженным фонарем в руках. За ним последовали еще двое. Они несли что-то тяжелое! Не успел я подумать, что, должно быть, это воры и что они, видно, хотят здесь разделить добычу, как внезапно они исчезли, словно сквозь землю провалились, но вскоре ненадолго появились снова и уже исчезли окончательно. Я подумал, что они припрятали где-нибудь неподалеку награбленное, и принялся осторожно исследовать окрестности. Вдруг я нащупал неглубокую яму, а в ней какого-то человека.

— О безжалостные, — со стоном сказал человек, — чего вам от меня надобно? Дайте мне спокойно умереть.

Я стал его успокаивать:

— Не тот я, кого тебе следует опасаться. Тогда человек простонал:

— О друг, если ты хочешь мне помочь — унеси меня поскорей отсюда в безопасное место и попытайся залечить мои раны. Мое воскресение принесет тебе счастье, а если я умру, твоя совесть будет спокойна, ибо твой благородный поступок будет служить ей утешением.

Узнав, что человек тот нуждается в помощи, я взвалил его на плечи и с наступлением утра вошел в город. Вскоре я увидел маленький убогий домишко и почему-то решил, что в нем живет оди-

нокая вдова. В ответ на мой стук дверь открыла бедно одетая старушка.

— Ты кто такой? — спросила она меня.

— Странггик, ищущий приюта, — отвечал я. Старушка проводила меня в дом и, сказав:

— Располагайся здесь, — удалилась.

Я развернул ковер, в который был завернут раненый, и моему изумленному взору предстало некое очаровательное создание.

Узрев сию неземную красоту, я едва не лишился сознания. Но постепенно придя в себя, я тяжело вздохнул и сказал:

— О лунолика, о жемчужина красоты! Кто причинил тебе такое зло? Почему судьба столь немилостива к тебе?

Девушка с трудом подняла веки.

— О благородный юноша, — прошептала она, — если Аллаху будет угодно сохранить мне жизнь, я без утайки поведаю тебе свою историю. А коли мне суждено умереть — пусть моя тайна уйдет со мной в могилу.

Я осмотрел девушку и обнаружил у нее на теле несколько ножевых ран. Омыв раны, я смазал их целебными снадобьями и принялся ухаживать за ней с превеликим тщанием. Однако здоровье ее час от часу становилось хуже. В один из дней, взглянув на меня полными мольбы глазами, девушка сказала:

— О благородный юноша, ты мучаешься со мной, не ведая, есть ли в том прок. Выполни мою просьбу, и это облегчит и мою и твою участь.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил я.

— В этом городе, — продолжала она, — есть прекрасный лекарь. Только он способен точно сказать, что ждет больного. Однако ходит он не к каждому. Если у тебя есть немного золота,

ступай к этому лекарю и умоли его ко мне прийти. Может быть, он соблазнится деньгами, а может, в нем пробудится чувство сострадания, и он сумеет меня исцелить. Лекарю объясни, будто разбойники до полусмерти избили твоего брата, а ты отыскал его и принес домой. Если лекарь скажет,

что я поправлюсь, то ты будешь меня выхаживать. В противном случае бросишь меня на произвол судьбы, чтобы быстрее пришло мое избавление.

Выслушав сии слова, я отправился к лекарю. Придя к его жилищу, я увидел множество народу — это больные ждали его появления. По прошествии долгого времени лекарь вышел из дому и, не сказав никому ни слова, отправился в шахский дворец. Мы молча последовали за ним.

Закончив ежедневный осмотр шаха, лекарь покинул дворец. Тут к нему ринулись все страждущие и стали наперебой рассказывать о своих болезнях. Поведал ему о своей беде и я. Мои мольбы и стенанья возымели действие, лекарь окинул меня сочувственным взглядом и сказал:

— Ладно. Сначала я схожу к тебе, а уж потом отправлюсь по другим делам.

Осмотрев больную, лекарь дал мне три пилюли и при этом сказал:

— Одну пилюлю пусть она проглотит сейчас, вторую — перед сном, а третью — на рассвете. После этого ты должен прийти ко мне и рассказать, какое действие возымели пилюли на больную.

С этими словами он удалился.

Я сделал все, как велел лекарь, однако поутру, когда надо было дать последнюю пилюлю, у больной из горла хлынула кровь. Я тотчас побежал к лекарю и сказал ему об этом. Лекарь остался чрезвычайно доволен моим известием и, объяснив, будто из больной вышла застоявшаяся кровь, посулил, что вскоре она поправится.

Возблагодарив Аллаха за милость, я возвратился домой, и, едва завидев меня, девушка спросила :

— О благородный юноша, нет ли у тебя чего-нибудь поесть?

Я принес ей еду, и она отведала ее, и на лице ее проступил румянец.

Мало-помалу она начала поправляться, а в один благоприятный день и вовсе выздоровела.

Вскоре у девушки пробудился интерес к нарядам и украшениям, и стала она столь прекрасна, что я не в силах был оторвать от нее глаз. Потрясенный и изумленный, я утратил дар речи и не находил в себе мужества признаться ей в своем чувстве. А она, будто почуяв, что я попал в любовные сети, молвила:

— О благородный юноша, мне ведомо охватившее твою душу желание, однако прошу тебя потерпеть еще немного. Я буду принадлежать тебе одному, ибо ты спас меня от верной смерти и пробудил во мне горячую любовь.

— О редчайшая из красавиц, — ответствовал я ей, — не тешь меня своими посулами, ибо одному Аллаху известно, что ждет меня завтра. — А в сердце своем помыслил, что все же лучше пребывать в надежде, чем изведать безнадежность.

В благоприятный день, покупая лекарство для больной, я познакомился с одним знахарем. Я частенько навещался в его лавку, и вскоре мы стали близкими друзьями. Однажды он пригласил меня в гости. И меня одолели сомнения, как я смогу провести целый вечер в разлуке с любимой. Когда я сказал ей об этом, она, улыбнувшись, ответила так:

— Если ты пойдешь к знахарю, постарайся там не задерживаться больше трех дней.

— Аллах всемогущий! — воскликнул я. — Каждый час разлуки с тобой для меня подобен смерти,

— Ну что ж, ступай, — молвила она. — Только сначала исполни одну мою просьбу.

Девушка попросила меня принести бумаги и чернил и, написав записку, велела отнести ее на базар и вручить высокому седобородому старику, хозяину лавки золотых украшений, а затем, получив от него нужную ей вещь, вернуться домой.

Я взял записку и отнес ее в ювелирный ряд и отдал седобородому старику. Узрев некую печать на той бумаге, он согнулся в почтительном поклоне и вручил мне маленький ларец. Когда

я принес его девушке, она вынула из-за пазухи ключ, отперла этот ларец, и я увидел, что ларец полон удивительных драгоценностей. Выбрав несколько жемчужин, она протянула их мне и молвила:

— Ступай в город, купи богатое имение. Найми слуг и позаботься, чтобы и им, и их семьям нашлось в том имении жилье. Когда все это сделаешь, отвези туда меня...

По прошествии недели все было готово: богатое имение, внутренние покои коего были убраны коврами и уставлены дорогими вазами, раскрыло свои двери перед моей солнцеликой возлюбленной.

— А теперь ты свободен и можешь идти в гости к знахарю, — сказала она.

И я отправился в лавку знахаря. Когда я пришел туда, знахарь повелел слуге привести двух лошадей, и мы сели на них и поехали к его жилищу. Когда мы приехали туда, я увидел, что знахарь сказочно богат. Конюшня полна арабскими скакунами, слуги одеты в дорогие платья и подпоясаны золотыми кушаками. «Как же я приглашу его к себе, — опечалился я, — ведь и он и его слуги станут смеяться над моей бедностью». И так, мы вошли в дом. Вскоре появились музыканты, певцы и красивые луноликие танцовщицы. Они играли и пели, а потом виночерпий подал чаши с пьянящими напитками, и были те чаши пущены по кругу. Хмель ударил мне в голову, я потерял счет времени. Мне казалось, будто я пробыл здесь всего только сутки, на самом же деле пир продолжался сорок дней и сорок ночей. Когда же опьянение прошло, я, испросив разрешения хозяина, отправился домой. Девушку я застал опечаленной.

Воззрившись на меня с укором, она сказала:

— О прикинувшийся влюбленным, изгони меня из своего сердца! Для тебя равны шипы и роза, соловей и ворон, огонь и дым. И она прочитала бейт:

Дела благие отличать умеи от дел недобрых, скверных, Ведь много в жизни есть людей неискренних и лицемерных,

Я припал к ее стопам и стал молить О прощении.

— О возлюбленная! Душа моя принадлежит одной тебе! Я готов пожертвовать ради тебя жизнью. Пусть очи мои взирали на других, однако в сердце у меня одна только ты. И я прочел стихи :

В ярких чашечках тюльпанов, пламенеющих вокруг, Чернота печали скрыта — посмотри, мой нежный друг. За года, что как в тумане я провел, прости меня, — Буду жить я, днем и ночью в сердце образ твой храня!

Так после долгих страстных просьб я с трудом вымолил у нее прощение.

Я у капризницы в руках — в ее жестокой власти: Не гонит прочь, но не дает и умереть от страсти.

По прошествии нескольких дней красавица, пленившая мое сердце, взглянула на меня вопрошающе и сказала:

— О благородный юноша, знаешь ли ты, что обычай повелевает на гостеприимство отвечать гостеприимством. Ты гостил у знахаря сорок дней и сорок ночей, и твое угощение в его честь должно быть не менее богатым.

— О прекраснейшая из прекрасных! — отвечал я. — Могу ли я после его сказочно богатого дома звать его к себе? Ведь он станет смеяться над моей бедностью!

— Пусть это тебя не тревожит, — утешила меня девушка. — Твое дело — пригласить, а все прочее я беру на себя.

Выслушав эти слова, я отправился к знахарю и просил его вечером пожаловать ко мне в гости. Знахарь ответил согласием. Я дождался его в лавке, а с наступлением сумерек мы уселись на лошадей и двинулись в путь.

По дороге мы увидели прекрасный, подобный раю, дворец и хотели было проехать мимо, но слуги в богатых одеждах остановили нас и сказали:

— Вы приехали, господа, ибо вас ждут в этом дворце.

Когда я спешил, ко мне подбежали несколько человек и, отдав надлежащие почести, пригласили следовать за ними. Роскошное убранство дворца повергло меня в изумление. Мы с

знахарем усаелись на прекрасном ковре, облокотились на шелковые подушки. И тут же заиграли музыканты, запели певцы и закружились в танце луноликие красавицы. Сладкоголосые звуки танбура сжигали мое сердце. Более нежных мелодий я никогда нигде не слышал. Моя возлюбленная устроила такой пир, что сами перы были бы повергнуты в изумление. И на память мне пришел стих:

Если хочет Аллах дать богатство рабу своему, Даже камень обычный приносит богатство тому. Так пиروвали мы допоздна, и я уснул рядом с моим другом — знахарем. На рассвете, едва пробудившись от сна, я обнаружил, что лежу в своем прежнем бедном доме, а многочисленные слуги и служанки исчезли вместе с райским дворцом. В изумлении я поднялся на ноги и увидел на полу мертвого знахаря с отрезанной головой на груди. Я стал звать на помощь, однако в доме никого не оказалось. Тогда я бросился на улицу. Тут меня остановили несколько всадников, они спешили и, воздав мне положенные почести, обратились ко мне с такими словами:

— Слава тебе, о достойнейший юноша! Отныне прекрасная малика принадлежит тебе. Тебя озарило солнце счастья, ты купаешься в лучах луны, твоя печаль обернулась радостью. Тебе суждено стать зятем шаха.

Они облачили меня в богатые одеяния, водрузили мне на голову корону, усадили на чистокровного арабского скакуна и с большими почестями доставили в шахский дворец. Войдя в покои шаха, я увидел его восседающим на троне. Он горячо обнял меня и прижал к своему сердцу.

— Отныне ты будешь мне сыном, — ласково молвил он. — Моя дочь по праву принадлежит тебе.

С этими словами он усадил меня рядом с собой и, обратясь к визирям, приказал:

— Готовьтесь к свадьбе: украшайте город, угощайте всех, как положено.

Только он успел это вымолвить, как несколько визирей приблизились к трону и, склонясь в почтительном поклоне, доложили:

— О всемогущий шах! Из государства Занг-бар прибыли посланцы. Они требуют, чтобы ты принял их немедленно.

Шах вынужден был ответить согласием. Тут вошли посланцы из Зангбара. Они должным образом приветствовали шаха и передали ему дары от своего владыки и запечатанное письмо. Испросив соизволения шаха, визирь сломал печать и прочел: «Сим посланием я, гаах Зангбара, желаю известить шаха Сулеймана о том, что есть у меня сын, коего я люблю больше жизни. Прослышав о несравненной красоте твоей дочери, мой сын полюбил ее всей душой. Ее прекрасные ресницы, словно стрелы, пронзили его сердце, и он ни днем ни ночью не ведает покоя. По получении даров и сего послания прошу тебя без промедления отправить свою дочь в Зангбар, не то я пойду на тебя войной и сровняю с землей твои владения, а дочь твою увезу силой».

В зале воцарилось смятение. Шах обратился за советом к мудрейшим из мудрых, и те ответствовали :

— О высокородный государь! Благополучие страны находится в зависимости от твоей воли. Разум повелевает, чтобы ты отправил свою дочь в Зангбар, а этому юноше возместил утрату богатыми подношениями.

Шах внял их совету, и начались приготовления к отъезду. Недаром говорил поэт: Никогда рожденных друг для друга злое небо не соединяет,— Колесо судьбы с дороги сбилось, и душа пылает и страдает.

По прошествии трех дней, ту, которая похитила мое сердце, усадили на золотые носилки, чтобы отправить в Зангбар. И никто не справился о моей печали и не вспомнил о моей утрате. Я убедился,

что за добро не всегда воздается добром, что стоит кому-нибудь выбраться из беды, как он тотчас забывает своего благодетеля. Счастье отвернулось от меня, и я горько зарыдал. Меня охватила печаль, и я выбежал из дворца и увидел, что сейчас унесут шахскую дочь. Слезы сами

собой хлынули у меня из глаз, но тут ко мне подошел некий эфиоп и сказал:

— Хочешь ли отправиться с нами в Зангбар? Я сделаю тебя другом моего шахзаде.

И я сказал:

— Хочу.

Он подвел ко мне скакуна, и мы отправились в путь. Когда мне удавалось приблизиться к носилкам, до моего слуха доносились рыдания моей возлюбленной. И тогда моя душа разрывалась на части.

По прошествии долгого времени мы достигли Зангбара. Сопровождающие занялись своими делами, малику увели во дворец. Я же остался в одиночестве. Вдруг неподалеку от отведенных малике покоев я узрел маленький домик. В ответ на мой стук дверь отворила некая старуха.

— Кто ты такой? — спросила она.

— Я бедный странник и прошу тебя дать мне приют.

Она пригласила меня в дом и сказала:

— О юноша! Нынешней ночью во дворце состоится свадьба шахзаде и малики. Я пойду туда, а тебя оставлю дома с моей дочерью, ибо готова считать тебя своим сыном. <

Мир померк в моих глазах, и, снедаемый страстью к возлюбленной, я пал перед старухой ниц.

— О матушка, молю тебя, возьми меня с собой во дворец, я мечтаю насладиться лицезрением свадебного пира.

— Ты что, лишился разума! — воскликнула она.—Ведь это дворец шаха, он окружен многочисленной стражей, и без высочайшего соизволения туда попасть невозможно.

С воплями и рыданиями я стал лобызать ей ноги.

— О матушка, я подарю тебе драгоценную жемчужину. — Я достал из-за пазухи жемчужину и дал ее старухе.

На ее лице отразилась алчность, и она сказала:

— О сын мой! Оденься в платье моей дочери, на голову накинь чадру и ступай за мной. Уж как-нибудь я проведу тебя во дворец. Ведь я все же кормилица шахзаде, я для него — вторая мать. Думаю, никто не решится меня остановить. — Она усадила меня перед зеркалом и принялась румянить мне щеки и сурьмить глаза, будто девушке.

Щедростью можешь ты все грехи заранее искупить, Хитростью можешь ты даже, льва заставить себе служить.

Наконец мы отправились во дворец. Когда у старухи спрашивали, кто с ней пришел, она отвечала, что я — ее дочь, которая издавна мечтает побывать в шахском дворце. А так как нынешней ночью исполнится желание шахзаде, то она, старуха, хотела бы, чтобы давнишняя мечта ее дочери тоже сбылась сегодня. Некоторые служанки, поверив измышлениям старухи, обнимали и целовали меня и при этом говорили:

— О матушка, оказывается, у вас такая прекрасная дочь!

Вскоре я вместе с несколькими служанками проник в покои малики. Я увидел ее сидящей на богато убранном троне под пологом. Однако лик ее был печален, и я чуть не лишился разума от горя.

Сжалось сердце мое, пронзенное болью разлуки, Будто клад предо мною, но не дается в руки.

Я оглядел комнату, выискивая место, где можно было бы спрятаться. И тут я заметил лестницу, ведущую на балкон. Я поднялся по той лестнице и притаился на балконе. Тем временем в комнату вошла служанка и велела всем удалиться, ибо с минуты на минуту сюда должен был пожаловать жених. И в самом деле спустя некоторое время появился жених. Безобразный, как див, он к тому же был пьян и едва держался на ногах. Когда его подвели к трону малики, он приказал слугам удалиться, а сам запер дверь на ключ и, обняв малику, вознамерился было поднять чадру. Малика оттолкнула его и с чувством гадливости сказала:

— О мерзкий негодяй, не смей ко мне прикасаться !

Тогда эфиоп страшно разгневался:

— Многие красавицы мира были бы счастливы изведать мою благосклонность, ты же

называешь меня негодяем. Раз так, я буду действовать по-иному.

Сказав это, он привлек малику к груди. Малика же, собрав все силы, вырвалась из его объятий. Тут эфиоп разъярился и стал рвать на ней одежды.

— О Касым! — вскричала малика. — Услышь мой зов, приди ко мне на помощь.

Я не мог больше сдержаться, бросился с балкона в комнату и, выхватив кинжал, вонзил его в грудь эфиопа. Тот упал замертво. Я отрубил эфиопу голову, положил ее ему на грудь и воскликнул, обратясь к малике:

— Я здесь, дорогая.

Малика широко раскрыла глаза :

— Откуда ты явился?

— Не спрашивай меня об этом, — отвечал я. Потом поспешно завернул малику в ковер, взвалил себе на плечи и второпях покинул комнату. Находившийся во дворе люд был занят своим делом, и никто не заметил, как я прошел к дворцовой стене и, перебравшись через нее, покинул дворец. Придя в дом старухи, я развернул ковер и увидел свою лунолицую.

— О Касым, — молвила малика. — Они непременно нас разыщут здесь! Что же делать?

— Мы во власти судьбы, — отвечал я и повел возлюбленную на балкон. Там мы и провели ночь.

Наступило утро. Во дворце ждали появления жениха, но его все не было и не было, а в комнату малики войти никто не осмеливался. По проше-

ствии продолжительного времени прислуга все-таки отважилась отпереть дверь, и тут увидели, что жених мертв, а невесты и след простыл. Поднялась страшная суматоха. Пришлось рассказать о случившемся шаху. Шах повелел у городских ворот выставить стражу, обшарить дороги, обыскать все дома города.

Услышав о высочайшем повелении, старуха принялась рвать на себе волосы.

— О юноша, — бросилась она ко мне, — я знаю, что в этом деле повинен ты. Если малику найдут в моем доме, то не сносить головы ни мне, ни тебе. Уж лучше я сразу выдам тебя шаху, может быть, хоть меня тогда пощадят.

Я пал перед старухой ниц и, рыдая, стал молить ее о пощаде. Однако все мои мольбы были тщетны. Тут я понял, что могут помочь только деньги, и я отдал ей горсть жемчужин и увидел, как алчность вспыхнула в ее лице, и она сказала :

— Чему быть, того не миновать. Дело сделано, и нам не следует поднимать шум. Лучше я стану караулить у двери, чтобы в дом не проникли те, кто ищет тебя и малику.

Она исцарапала себе лицо и, растерев докрасна глаза, уселась на пороге. И горестный вид ее вызывал сочувствие всех прохожих.

Тем временем люди шаха обыскали дома горожан и, не обнаружив следов малики, направились к дому старухи. Старуха же, изобразив глубокую печаль, сказала:

— Да осудит вас Аллах! Вы намереваетесь искать убийцу в моем доме? Разве способна мать быть соучастницей в убийстве своего сына? Или вы просто хотите посыпать солью мои раны?

Печаль ее была столь величава и естественна, что стражники, испытав раскаяние, прошли мимо. А старуха, обрадовавшись, побежала к нам и сообщила, что опасность миновала. Мы возблагодарили всевышнего и, переждав, пока в городе все утихнет, стали собираться в путь.

— О Касым, — молила меня малика, — уедем с тобой в чужие края. Пусть мы будем бедны, но зато счастливы, оттого что вместе.

О силе наших чувств узнал весь город, вся округа,

Лишь лучшее, что в людях есть, мы видим друг у друга.

Пусть упрекают, мучат нас, но вместе мы с тобою,

Закон любви навек связал мою с твоей судьбою.

«В чем счастье жизни?» — я спросил на пире страсти нашей.

«Храни святой секрет любви!» — ответ был винной чаши.

Сердце мое склонилось к ее сердцу и, не теряя понапрасну времени, я добыл двух арабских скакунов, запасся мужской одеждой для малики, приготовил припасы и все, что требуется в долгом пути, и с наступлением сумерек мы покинули пределы города. Оставив позади много

путей и дорог, мы достигли пустыни, и я сказал возлюбленной:

О жизнь моя, свет радости земной — Твоя печаль и день и ночь со мной!

— До сей поры мне неведома твоя тайна. Расскажи, кто тебя ранил, кому я обязан встрече с тобой? Почему ты советовала мне пригласить в гости знахаря и каким образом он оказался убитым? Открой мне причину того, чем я снискал благорасположение твоего отца?

И малика рассказала мне такую историю :

— О мой возлюбленный! Да будет тебе известно, что я дочь шаха, что отца моего зовут Сулейман, и что я росла во дворце, и было у нас множество слуг. И среди тех слуг был человек, самый близкий мне и моему отцу. Я дала ему денег, чтобы он открыл лавку и занялся торговлей лекарствами. А шах, мой отец, пригласил его в наставники мудрейших врачей. Вскоре тот человек стал знахарем, и все состояние, какое тебе довелось у него видеть, пришло к нему с моей помощью. Так он стал богат и всеми почитаем и продолжал оставаться моим другом. Однажды, навестив меня, он принес с собой сосуд с вином. Отведав того вина, я сделалась веселой и радостной. Тут он потерял голову и, обратясь ко мне, сказал: «О прекрасная малика! Молю тебя, ошастливь меня любовным свиданием! Вот уже много дней я снедаем любовной страстью к тебе. И теперь я не в силах совладать с ней. Если же ты ко мне не питаешь благосклонности, то найди в себе хоть каплю сострадания». Сказав все это,—продолжала малика,—он вознамерился было меня обнять, но я резко отбросила его руку и пригрозила немедленно рассказать обо всем отцу, дабы он достойным образом его наказал. Той же ночью знахарь с двумя своими слугами тайком проник в мои покои, избил меня и, решив, что я скончалась, завернул в ковер и бросил в том месте, где ты меня нашел. Аллах в твоём лице послал мне спасителя, и я навеки твоя раба. Теперь слушай об убийстве знахаря. Когда ты пригласил его в гости, я пошла к отцу и обо всем ему рассказала. Он повелел своим стражникам знахаря немедленно убить, а тебя доставить во дворец и наградить подобающим образом.

Долго пребывали мы в пути, но не ведали, где найдем свое пристанище. Когда мы подъехали к безлюдному месту, малика удалилась за большой камень, и я тут же услышал ее истошный крик. Я бросился туда и увидел, что ее ужалила змея. Ту змею я убил, но малике помочь не смог. Вскоре, изнемогая от боли и страданий, она скончалась. Сердце мое разрывалось от горя. Я стал биться головой о землю. Я отпустил на волю лошадей и, рыдая, похоронил свою возлюбленную. Однако человек крепче железа, и ему суждено вынести все. И пока срок моей жизни не изошел, любовь к малике и мое горе будут всегда во мне.

Султан Санджар, выслушав исповедь юноши, проникся к нему сочувствием и сказал :

— Сними одеяния каландара и скажи, что ты желал бы получить из моих богатств. Я готов подарить тебе что угодно. Теперь я вижу, что в жизни господствует зло. Мир, словно караван-сарай, куда приходят и откуда уходят.